

*"Когда ж постранствуешь,
воротиться домой,
И дым Отечества
нам сладок и приятен..."*
А.С. ГРИБОЕДОВ,
"Горе от ума" (1824)

РАЗУМЕЕТСЯ, эти заметки ничуть не претендуют на сколько-нибудь полное раскрытие заявленной темы, но автор надеется на то, что они заинтересуют читателя и вызовут его интерес к фигуре, пожалуй, самого "правильного" и в то же время — самого "нестандартного" из классиков русской литературы.

В современной программе средней школы творчество Ивана Сергеевича Тургенева (28 октября [9 ноября] 1818 — 22 августа [3 сентября] 1883) представлено рассказом "Муму" и стихотворением в прозе "Русский язык" (6-й класс), рассказами из цикла "Записки охотника" (7-й класс), стихотворениями в прозе (8-й класс), романами "Отцы и дети", а также "Дворянское гнездо" (10-й класс).

Согласитесь, не много, но и не мало. Во всяком случае, нынешнее поколение наших юных сограждан — так же, как и прошлые, и, надеюсь, в будущем — имеет возможность получить более-менее адекватное представление об одном из несомненных классиков отечественной литературы, без которого Русское Слово (разрешите уж так, "с больших букв") в его нынешнем качестве и силе просто не могло бы существовать.

Чем же заслужил Иван Сергеевич Тургенев у русского читателя (и русского человека вообще) это редкое, невероятное право стоять наравне если не с Пушкиным, то уж точно — с Лермонтовым, Гоголем, Тютчевым, Львом Толстым и Достоевским? Что открывают нам его произведения? Конечно, "лишние люди" и "новые люди"... Конечно, "тургеневские барышни"... Конечно, Бежин луг... Конечно, Хорь и Калиныч... Конечно, Гerasим и Муму... Нет, даже не так! Сначала (спасибо нашей школе!) — Герасим и Муму, а уже потом — всё остальное... Но Тургенев — он же не об этом. Он — о том, какое чудо и какая тайна за всем этим стоит. О том, что есть Человек (снова — с большой буквы).

Уже не раз доводилось писать о том, что после того, как Пётр I "прорубил окно в Европу", оттуда, из этой самой Европы, тогда наложившей руку почти на весь мир, в Россию хлынула западная культура, и всё, что там, за пределами нашего богоспасаемого Отечества, навсегда разделялось жёсткими временными, национальными, конфессиональными и прочими

поэтом стали для него потрясением и памятью на всю жизнь. Тем более, что второе и последнее, в доме Энгельгардта, состоялось всего за несколько дней до роковой дуэли — и надо ли говорить, что 18-летний тогда Тургенев, узнав о трагедии, поспешил к дому своего кумира, на набережную Мойки?..

"Клочок волос Пушкина был срезан при мне с головы покойника его камердинером 30 января 1837 года на другой день после кончины. Я заплатил камердинеру золотой", — вспоминал Тургенев в августе 1880 года (убийца Пушкина Дантес был ещё жив, и пережил самого Тургенева на десять лет). Видимо, в те дни Иван Сергеевич каким-то особенным образом проявил себя, а потому и сблизился с пушкинской семьёй. Кстати, тело поэта из Петербурга в родовую усыпальницу Пушкиных, Святогорский монастырь, по приказу Николая I отвозил представитель другой ветви рода Тургеневых, Александр Иванович (1784—1845). Ещё через 15 лет, в 1852 году, Тургенев после кончины Василия Андреевича Жуковского получил от его сына многие пушкинские бумаги, а также знаменитый перстень-талисман с сердоликом, подаренный юному поэту Елизаветой Браницкой-Воронцовой...

Но при этом в отношении Тургенева к Пушкину присутствовала — и с течением времени даже нарастала! — некая не то чтобы неопределённость, но отстранённость и сомнения. Если сравнить, например, его, известнейшего либерала-западника, речь 1880 года на открытии памятника Пушкину в Москве с прозвучавшей почти одновременно знаменитой пушкинской речью "консерватора" Достоевского, разница будет очевидна. Да и с определением давно умершего к тому времени Аполлона Григорьева "Пушкин — наше всё", данным ещё в 1859 году, автор "Отцов и детей" откровенно спорил. "Кто знает? — быть может, явится новый, ещё неведомый избранник, который превзойдёт своего учителя и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину, хоть и не дерзаем его отнять у него", — так звучал заключительный вывод Ивана Сергеевича о кумире его юности, чью гениальность, впрочем, он не подвергал никаким сомнениям.

В той тургеневской речи, которая, по его собственному признанию, "особого впечатления на публику не произвела", вообще немало мест, способных вызвать сегодня непонимание, недоумение и даже негодование у современного читателя, особенно — патристических взглядов: "У нас

смерти, когда "все вдруг стали пушкинистами", и тиражи произведений Александра Сергеевича дошли до самого глухого аула или стойбища на территории Советского Союза, когда сбылись пророческие стихи поэта:

*Слух обо мне пройдёт
по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык...*

В 1880 году до этого общегосударственного и общенародного признания творчества Александра Сергеевича было ещё далеко. И в 1897 году, когда Лев Толстой писал приведённые ниже строки — тоже: "В самом деле, надо только представить себе положение такого человека из народа, когда он по доходящим до него газетам и слухам узнает, что в России духовенство, начальство, все лучшие люди России с торжеством открывают памятник великому человеку, благодетелю, славе России — Пушкину, **по которому он до сих пор ничего не слышал** (выделено мной. — В.В.). Со всех сторон он читает или слышит об этом и полагает, что если воздаются такие почести человеку, то, вероятно, человек этот сделал что-нибудь необыкновенное, или сильное, или доброе. Он старается узнать, кто был Пушкин, и, узнав, что Пушкин не был богатырём или полководец, но был частный человек и писатель, он делает заключение о том, что Пушкин должен был быть святой человек и учитель добра, и торопится прочесть или услышать его жизнь и сочинения. Но каково же должно быть его недоумение, когда он узнает, что Пушкин был человек больше чем лёгких нравов, что умер он на дуэли, т.е. при покушении на убийство другого человека, что вся заслуга его только в том, что он писал стихи о любви, часто очень неприличных".

У читателей может возникнуть вопрос: зачем в статье, посвящённой Тургеневу, с самого начала уделять столько внимания

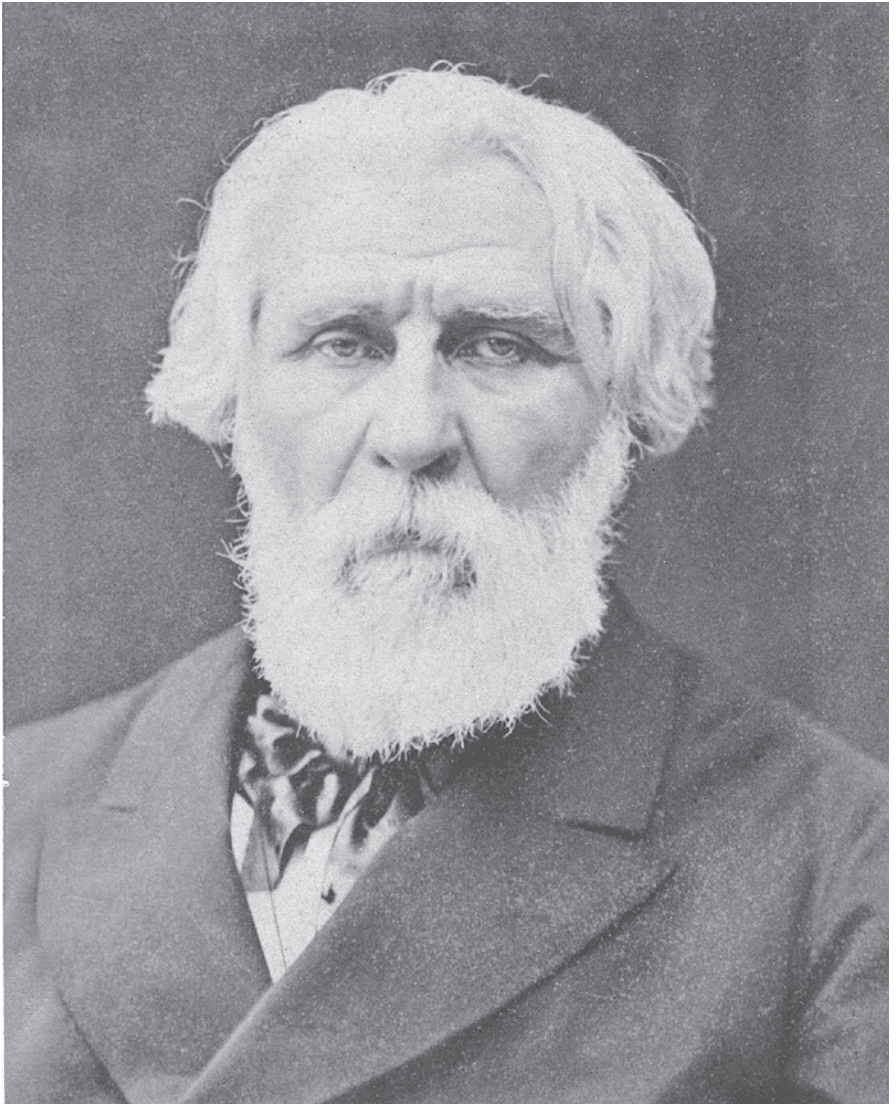
сам Тургенев изучал труды Гегеля "с особым рвением и знал почти наизусть". Кроме того, в Берлине завязались его первые знакомства в зарубежных литературных кругах. После недолгой отлучки в Россию в 1839 году Тургенев снова едет в Берлин продолжать свои занятия и ближе знакомится там с Михаилом Александровичем Бакуниным (1814—1876). И, вернувшись на родину из этого центра тогдашней философской мысли, становится одним из самых активных участников "бакунинского кружка", изучавших немецкую философию. Примешались к этому, видимо, и личные чувства — отношения с влюбившейся в молодого 192-сантиметрового красавца поклонницей Фихте Татьяной Александровной Бакуниной, одной из сестёр Михаила Бакунина. Татьяна писала Тургеневу письма на немецком языке, их "философический роман" продолжался несколько месяцев 1841—1842 годов, но дружеские отношения они сохраняли всю жизнь. Татьяна Бакуниной было посвящено самое известное из стихотворений Тургенева "В дороге", написанное в сентябре 1843 года:

*Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.*

*Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.*

*Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ролот колёс непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.*

Именно в эти годы сформировались основы мировоззрения Ивана Сергеевича Тургенева, которые он впоследствии никогда не пересматривал, его приверженность якобы "всеобщим", исходящим из ге-

И.С. ТУРГЕНЕВ. Фото 1880 года

Владимир ВИННИКОВ

ДЫМ ОТЕЧЕСТВА

К 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича ТУРГЕНЕВА

людей, чья гениальность не подвергается сомнениям.

Окончательный переезд Тургенева в Европу хронологически как раз совпадает с окончанием Крымской войны и послевоенной "перестройкой" всей русской жизни, кульминацией которой стал манифест Александра II об отмене крепостного права от 19 февраля (3 марта) 1861 года. Один из идейных лидеров "антикрепостнической партии" в тогдашнем российском обществе, близкий друг Герцена, автор романов "Рудин", "Дворянское гнездо" и "Накануне", повести "Ася", рассказов из цикла "Записки Охотника" и "Муму", в 1852—1854 годах находившийся под гласным надзором полиции (за публикацию некролога Н.В. Гоголю), активно участвовал в этом процессе, хотя к его результатам, как явствует из дальнейшего творчества писателя, относился весьма критически.

Самый знаменитый из тургеневских романов, "Отцы и дети", который увидел свет уже после отмены крепостного права, в 1862 году, как и последующие "большие" работы писателя: романы "Дым" (1867) и "Новь" (1877), — был посвящён "племени младому, незнакомому", получившему, с лёгкой руки уже упомянутого выше М.Н. Каткова, имя "нигилистов" (Катков придал "вторую жизнь" широко гулявшему в 30-е годы среди "тегелянского подполья" термину Н.И. Надеждина). Сам Иван Сергеевич отзывался о них так: "Они тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу. Они ищут в реальном не поэзии — эта им смешна, но нечто великое и значительное, — а это вздор: настоящая жизнь прозаична и должна быть такою".

"Резатель лягушек" Евгений Васильевич Базаров — как раз один из первых "нигилистов", пока ещё не "народник" и не революционер, но уже человек, ни в грош не ставящий ни традицию, ни любые доктрины-идеологии, да и утверждения друзей людей, пока всё это не прошло проверку его личным опытом. Как раз этот человеческий тип, впервые точно и чётко, словно под увеличительным стеклом, "пойманный" и показанный Тургеневым в образе Базарова, постепенно стал доминировать в отечественной истории 1861—1917 годов. Так что если Тургенев и не был разведчиком в профессиональном смысле этого слова, то как "разведчик будущего" он проявил себя в полной мере. Будущего своей страны, своего народа и своего языка. "Дым" Отечества был и всегда оставался в том воздухе, тем воздухом, которым он дышал.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Так что же есть Человек, по Тургеневу? Человек есть подобие Бога. Бога-Любви. И Бога-Слова. В том числе — и русского Слова. Поэтому всё новые и новые поколения наших соотечественников, надеюсь, будут учить наизусть и повторять это знаменитое "стихотворение в прозе":

"Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!"

*Великих зрелищ, мировых судеб
Поставлены мы зрителями ныне:
Исконные, кровавые враги,
Соединяя, идут против России;
Пожар войны полмира охватил,
И заревом зловещим осветились
Деяния держав миролюбивых...
Обращены в позорщизне вражды
Моря и суша... Медленно и глухо
К нам девинулись громады кораблей,
Хвастливо предрекая нашу гибель,
И наконец приблизилась — стоит
Пред укрепленной русскою твердыней...
И ныне в урне роковой лежат
Два жребия... и наступает время,
Когда reshить мира и войны
Исторгнет их всесылною рукой
И свету потрясённому покажет...*

ТУРГЕНЕВ И РАЗВЕДКА

Согласно весьма распространённой ныне легенде, на протяжении почти четверти века (1856—1881) Иван Сергеевич Тургенев был, по одной версии, резидентом отечественной разведки в Париже, а по другой — даже руководителем всей её агентурной сети в Европе. А все остальные его занятия, включая и литературное творчество, и любовь к Полине Виардо, служили всего лишь "легендой" для прикрытия основной деятельности.

Поскольку основным источником легенды служат свидетельства людей, тесно связанных с отечественными спецслужбами: например, писателя, автора книги "ЦРУ против СССР" Николая Яковлева, в свою очередь, сославшегося на слова Юрия Андропова и его заместителя Филиппа Бобкова, а также Юрия Дроздова ("Среди российских разведчиков-непегалов насчитывается много выдающихся людей: дипломат и писатель Грибоедов, химик Менделеев, путешественник Пржевальский, писатель Тургенев... Для их работы требовались огром-

Группа сотрудников журнала «Наш современник». Сидят (слева направо): И.А. ГОНЧАРОВ, И.С. ТУРГЕНЕВ, А.В. ДРУЖИНИН, А.Н. ОСТРОВСКИЙ; стоят: Л.Н. ТОЛСТОЙ, Д.В. ГРИГОРОВИЧ. Фото 1856 г.

рамками, вплоть до стиливых, сюда пролилось единым потоком. Для русского мира это был настоящий культурный "потоп", который продлился весь XVIII век и даже дольше, вплоть до Отечественной войны 1812 года.

Сегодня трудно оценивать этот процесс с позиций "хорошо/плохо", особенно — с учётом общей утраты русских традиций и культурного наследия, которая началась ещё при отце Петра I Алексее Михайловиче Тишайшем (включая Раскол). Кстати, появление фигуры Ломоносова в русской науке напрямую определило появление Пушкина в русской литературе, но по-другому и быть не могло: эстетическое познание всегда следует после познания предметно-логического, прорастая на его почве. А дальше, когда "отверстые хлеба небесные" европейских (западных) знаний, представлений и образов ещё не открылись, но сама Россия уже перестала быть сплошной водной гладью, и над нею появились свои "архатские горы", началось и золотой век русской литературы. Той самой, которую "неистовый Биссарион" Белинский в 1834 году, когда 16-летний Тургенев переехал из Москвы, где учился на филологическом отделении университета, в Санкт-Петербург, на философское отделение, назвал "несуществующей"...

ТУРГЕНЕВ И ПУШКИН

"Пушкин — это мой идол, мой учитель, мой недосгаемый образ — я, как Стаций о Виргилий, могу сказать каждому из моих произведений: Vestigia semper adora ("Всегда обожай следы прошлого")".
Из письма И.С. ТУРГЕНЕВА
М.М. СТАСЮЛЕВИЧУ
от 15 (27) марта 1874 г.

Вряд ли "маменькин сынок Ваничка", орловско-московский барчук, блестяще образованный, но весьма легкомысленный, мог бы стать классиком русской литературы, не оказавшись он с ранней юности под влиянием пушкинского слова и (чуть позже) классической немецкой философии. Тургенев, по его собственному признанию, в юности своей считал Пушкина "полубогом". И два личных пересечения (встречи) в полном смысле этого слова их назвать нельзя) с величайшим русским

же, русских, позднее других вступивших в круг европейской семьи... С одной стороны, сказки Пушкина, с другой — "Руслан и Людмила", самые слабые, как известно, изо всех его произведений... Выставляя лозунг народности в искусстве, поэзии, литературе свойственно только племенам слабым, ещё не созревшим или же находящимся в поработённом, угнетённом состоянии... Возвратимся к Пушкину. Вопрос: может ли он называться поэтом национальным, в смысле Шекспира, Гёте и др., мы оставим пока открытым. Но нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остаётся только идти по пути, проложенному его гением..."

А за два года до того, в 1878 году, Иван Сергеевич, как известно, опубликовал — правда, с некоторыми изъятиями — несколько писем Пушкина, адресованных жене, что вызвало весьма бурную реакцию со стороны тогдашней российской общественности, направленную в основном против Натальи Николаевны. Мог ли Тургенев, один из умнейших людей своей эпохи, предвидеть такие последствия своей публикации? Разумеется — и не просто мог, но был обязан. Однако, получив 23 марта (4 апреля) 1876 года эти письма от дочери Пушкина Натальи Александровны, счёл их публикацию необходимой, и дальнейшие события показали его правоту: многие письма Пушкина были утрачены, так и не увидев свет...

Полагаю, ключ к этой странной сегодня позиции Тургенева можно найти в следующих местах из его пушкинской речи: "Милостивые государи, какой же великий поэт читается теми, кого мы называем простым народом? Немецкий простой народ не читает Гёте, французский — Мольера, даже английский не читает Шекспира. Их читает — их нация... Будем также надеяться, что в недалёком времени даже сыновья нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станут понять, что это значит это имя..." То есть русские, по мнению Тургенева, ещё не стали — нацией, а потому у них по определению не могло быть "национально-всемирного поэта".

Согласитесь, что воистину народным (а не национальным) поэтом, действительно "нашим всё", Пушкин стал только после 1937 года, когда по личному указанию Сталина широко отмечалось столетие его

его (и его современников) отношению к Пушкину? По двум причинам. Первая уже указана выше: без влияния пушкинского творчества Тургенева наверняка ждала бы совсем иная жизненная судьба, а творческая вообще могла не состояться. Вторая же причина заключается в том, что "система литературных координат" приобретает некую определённость и устойчивость только с течением времени...

ТУРГЕНЕВ И НЕМЕЦКАЯ ФИЛОСОФИЯ

*В тарантасе, в телеге ли
Еду ночью из Брянска я —
Всё о нём, всё о Гегеле
Моя дума дворянская...*
А.М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

Иван Сергеевич, как отмечалось выше, был прекрасно образован, и одним из пяти иностранных языков, которыми он владел (не так блестяще, как французским, но более чем свободно), был немецкий язык. Поэтому не удивительно, что молодой Тургенев стал одним из последователей почти подпольного "культа Гегеля", царившего в Москве и Петербурге второй половины 30-х — начала 40-х годов. Именно этим, видимо, объясняется и его переход с филологического на философское отделение при смене "первопрестольной" на столицу империи, и, после получения кандидатской степени университета, поездка в Берлин в 1838 году, где он подружился с создателем и "душой" известного философского кружка Николаем Владимировичем Станкевичем (1813—1840). В этот кружок входили такие фигуры, как Виссарион Белинский (именно Станкевич назвал его "неистовым Виссарионом"), поэт и землзяк Станкевича Алексей Кольцов, будущий славянофил Константин Аксаков, "отец анархизма" Михаил Бакунин, старший из братьев Боткиных Василий, "охранитель" Михаил Катков, знаменитый последствием историк Тимофей Грановский, и Константин Кавелин. Посещал собрания кружка и тогда юный студент Московского университета Михаил Лермонтов, главный герой студенческой драмы которого "Странный человек" не случайно носит фамилию Белинский.

Станкевич был увлечён философией начала Шеллинга, а затем — Гегеля, и

9 ноября	18.30
Бюро пропаганды художественной литературы СП России, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям	
Фонд президентских грантов	
приглашают на юбилейный литературно-художественный вечер	
"ОДНО ЛИШЬ ЛЮБОВЬЮ БЛАЖЕННА ДУША..."	
посвященный 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича ТУРГЕНЕВА	
Вечер состоится в Большом зале Центрального дома литераторов (ул. Большая Никитская, д. 53, проезд: ст. м. "Баррикадная")	
Приглашены:	
писатель, депутат Государственной Думы Сергей ШАРГУНОВ , народный артист России, артист МХАТ им. А. М. Горького Валентин КЛЕМЕНТЬЕВ , ведущие артисты МХАТ им. А. М. Горького, заведующие в постановке спектакля "Отцы и дети" по одноимённому роману И. С. Тургенева:	
заслуженная артистка России Людмила МАТАСОВА , Андрей ЗАЙКОВ , Николай КОРОТАЕВ , Юрий РАКОВИЧ , Лариса САВЧЕНКО , режиссер спектакля А.И. ДМИТРИЕВ , заслуженная артистка России, профессор Московской консерватории им. П.И. Чайковского Полина ФЕДОТОВА (фортепиано), лауреат международных конкурсов София ФЕДОТОВА (скрипка), солистки театра	
"Новая опера" им. Е. В. Козлова Елена и Ольга ТЕРЕНТЬЕВЫ , солист Мюнхенской оперы, приглашенный солист Большого театра Максим КУЗЬМИН-КАРАВАЕВ .	
Ведущая — Алла ПАНКОВА.	
Справки по телефону: 8 (495) 625-00-50	